

«СМОТЯ НА БЛЕСТЯЩУЮ КОМЕТУ, БЫВШУЮ В 1811 г.»: К ПРОБЛЕМЕ МИФОЛОГИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ НАПОЛЕОНА

В 1875 г. в журнале «Русская старина» [3] были опубликованы воспоминания епископа Буткевича о приходе наполеоновской армии в Литву. В них он, в частности, рассказывает о том, что жители окраины российской империи, как и многие европейцы той поры, воспринимали небесное явление с опаской: «Смотря на блестящую комету, бывшую в 1811 г., жители Литвы ожидали чего-то особенного; но во всяком случае не думали, что в следующем году увидят столь громадное войско, которое посетило их страну» [3, с. 595]. Наполеоновскую армию он увидел «на закате солнца»: «...мы заметили в стороне, откуда имел приехать Наполеон, столб пыли и звук трубы, остерегающей, чтобы давать дорогу императору. И действительно, по истечении нескольких минут, показался Наполеон в одноколке, запряженной одной лошастью, которою сам правил; впереди ехали трубачи; он был окружен свитой, состоявшей из нескольких десятков кавалерийских офицеров и унтер-офицеров разных полков; как обыкновенно изображают его на портретах, он был в мундире конно-егерского полка, в пальто-сюртуке песочного цвета и в характеристической треуголке на голове» [3, с. 597]. Соединение мрачного предвестия, которым осознавалась комета, с апокалипсическими деталями появления вражеской армии («столб пыли и звук трубы, остерегающей...»), возможно, связаны со священническим саном автора, который в этом описании использовал образы, отдаленно напоминающие ужасные предзнаменования Иоанна Богослова: «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику...» (Иоанн., 8, 10); «...и я увидел звезду, падшую с неба на землю, ... и вышел дым из кладезя, как дым на большой печи; и помрачилось солнце и воздух... И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы» (Иоанн, 9, 1 – 3). Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать связь астрономического явления 1811 г. с мифологизацией личности Наполеона. К сожалению, эта тема остается пока вне поля зрения исследователей.

Для ученых-астрономов комета 1811 г., ее свойства давно не представляют никакой загадки – это астрономическое явление было предсказано и изучено. Так, Н. Мамуна [5] дает очень подробную справку о первом появлении небесного тела, длительности его видимости (510 дней), а также об успешных попытках изучения его свойств. Но в массовом сознании комета воспринималась как предзнаменование бедствий и лишений. Более того, Наполеона в России еще до войны неоднократно называли «Антихристом», а Буткевич ставил ему в вину необыкновенную гордыню, приведшую, в конце концов, к его падению: «...многие удивлялись, – замечает он, – когда узнали, что не было при объявлении войны во

французском войске никакой молитвы о счастливом ведении столь громадной войны; видно, французы были уверены в своем счастье; но оно и было поводом падения Наполеона, т.к., рассчитывая постоянно только на свое счастье и на материальную силу, он оставил в стороне Божию помощь и благодать Его. Этим же объясняется то обстоятельство, что в столь громадной армии, состоявшей почти исключительно из римско-католиков, не было ни одного штатного католического священника» [3, с. 601]. Но в описании внешности великого императора автор избегает оценочных суждений, которые бы позволяли говорить о страхе или увлеченности им.

Так, при первом появлении Наполеона он обратил внимание на то, что «на лице императора, хотя и покрытом пылью, можно было заметить изнурение, беспокойство и какое-то особенное неудовольствие, что происходило оттого, что (как уже тогда рассказывали) во время похода неоднократно получал он неприятные известия. Нерасположение его духа приняло характер сильнейшего гнева. <...> Целую ночь он не спал, и не позволил другим уснуть, т. к. все должны были заботиться о приготовлении печей для хлеба» [3, с. 598]. Оказавшись в его кабинете, автор заметил, что Наполеон, «несмотря на большую жару, был постоянно в пальто-сюртуке песочного цвета, на голове была характеристическая шляпа, которой не снимал, беседуя с маршалами и генералами, между тем как те стояли перед ним с непокрытыми головами; часто ходил вокруг стола в беседке и постоянно размышлял, глядя на какие-то планы и карты, лежавшие на столе; нередко давал приказания являвшимся к нему в беседку. Должно быть, все время в Вильковишках был в дурном расположении духа, т.к. давал приказы грозным голосом» [3, с. 598]. Однако уже ранним утром Наполеон выглядел совершенно иначе.

По сравнению со своими генералами, с которых «капало» «золото и серебро» («Из всех выдавался мундир неаполитанского короля Мюрата, похожий на гусарский, осыпанный дорогими камнями; на голове была шляпа а la Henri IV, у которой было много драгоценных разноцветных перьев, припиленных бриллиантовой кокардой» [3, с. 600]) он был одет нарочито просто: «... на нем был мундир французской гвардии, синего цвета, с лентой и звездой почетного легиона. Зато его лошадь отличалась от всех: белая как молоко, сбруя, украшенная дорогими камнями, а попона из тонкого багрового сукна, обсыпанная золотыми орлами, доходила до земли» [3, с. 600]. Чтобы как-то примирить с собой население Литвы, Наполеон приблизил к себе ксендза, дал ему хорошую лошадь, выехал на позиции, откуда хорошо было видно его и его спутника, а также наградил священнослужителя деньгами. «...Догадывались, – замечает Буткевич, – что он хотел показать жителям Литвы, как благосклонно относится к их вере и духовенству» [3, с. 602], но понимали, что это были лишь внешние проявления религиозности захватчика.

Последнее описание встречи с Наполеоном напоминает гоголевского «Ревизора». Буткевич, вероятно, не стремился к унижению описываемой им личности, но в точности деталей, а также характере самой ситуации

ощущается если не ирония автора, то ирония самой истории. Буткевич увидел Наполеона после оставления Москвы. «Наполеон прогуливался по большой комнате, подходил к камину, в котором горел огонь; но жена Мицулевича постоянно отталкивала его от камина, т.к. в нем приготавлила кушанье для прибывших гостей; император был в мундире егерского полка; сверх мундира была бархатная куртка на собольем меху, и хотя, вместо характеристической шляпы, была у него на голове зимняя соболья шапка, с зеленым сверху бархатом, однако очень легко можно было узнать отличительные черты его лица. Мой учитель шепнул мне на ухо, чтобы не рассказывать другим об этом, т.к. видно, что император едет incognito» [3, с. 610]. Несмотря на то, что Наполеон, казалось бы, хотел остаться неузнанным, офицеры скоро узнали в нем завоевателя. «Наполеон благодарил публику и просил ее не стесняться, но все стояли с непокрытыми головами», – пишет автор, – и добавляет: «Не мешала уже хозяйка Наполеону подходить к камину, и по всему было видно, что император был в лучшем расположении духа; разговаривая с некоторыми женщинами и в особенности с Висневской, женою подсудка (т.е. помощника мирового судьи), которая обратила на себя его внимание молодостью и миловидностью; хвалил ее красоту, трепал по плечу и, по своему обычаю, слегка прикасался пальцами к плечу или брал за ухо» [3, с. 611]. Ему было приятно, что даже после сокрушительного поражения здесь оказываются ему императорские почести.

Обратим внимание, что сквозной темой воспоминаний Буткевича является еда. Он описывает поведение голодного императора, потом спешное приготовление бульона из курицы, которую он сам же и ловил, а также его поедание, делает замечание о том, что Наполеон «ел очень много, и в особенности понравилась ему морковь с бараньими котлетами. Это приписывали тому, что император в первый раз обедал после выезда из Москвы, т.к. до сейнского обеда ограничивался только холодной закуской» [3, с. 611]. Очень метко автор описывает и перемену настроения Наполеона после хорошего обеда: он стал философствовать, размышлять о противниках, рассмеялся при виде нелепо одетых сельских жителей, набранных в ополчение, а также уверенно провозглашал, что «нечего нам отчаиваться». Несмотря на угрожающий характер кометы, являвшейся предвестием несчастий, Наполеон оказался обычным человеком, устающим, впадающим в гнев, испытывающим голод и приходящим в хорошее расположение духа после сытной еды. Вероятно, характер восприятия Буткевичем Наполеона обусловлен и тем, что он видел его вблизи, имел возможность наблюдать в различных житейских ситуациях.

Совершенно иной характер приобрело отношение к Наполеону в русском массовом сознании, хорошо подготовленным к встрече завоевателя периодической печатью, а также решением Священного Синода (1807), называвшего императора «Антихристом». Как справедливо отмечает Л.И. Агронов [1], изучение восприятия Наполеона в народной среде представляет собой огромную сложность, поскольку оно могло быть зафиксировано лишь в мемуарах, записках, письмах. Но уровень грамотности

был весьма невысок, а потребность зафиксировать пережитое на письме испытывали, по большей части, представители образованного сословия.

Так, исследователь называет только несколько текстов, которые дают представление о том, что думали о Наполеоне люди из низших слоев общества: «Записки» П. Назарова, «Солдатская переписка 1812 года» и «Рассказы русского безрукого инвалида» И. Скобелева, «Рассказы очевидцев о двенадцатом годе» Т. Толычевой, и др. Но «основным источником информации о войне для большинства россиян 1812 г. (как для образованного общества, так и для простолюдинов) были слухи. Важную роль играли печатные материалы, на их основе формировались некоторые слухи, ходившие в народе; в период Отечественной войны опосредованное влияние печати на население было довольно значительным. Нельзя четко разделить влияние на россиян устных и печатных источников информации, так как оба источника были тесно связаны» [1]. В публикации Л.И. Агронова для нас очень интересным является подтверждение нашего предположения о том, что комета 1811 г. способствовала мифологизации личности Наполеона в массовом сознании. Он пишет о том, что «наибольшее влияние на тогдашних россиян оказали не политические новости, а знаменитая комета 1811 г., на которую стали обращать пристальнейшее внимание с августа. Вот что писал об этом Д.И. Завалишин, проживавший в то время в Твери: “Это было в августе и, следовательно, когда шли в церковь, то было еще очень светло. Но вот к концу всеобщей, но ранее еще того времени, как народ расходится, сделалось на паперти у дверей церкви необычное движение. Люди как-то выходили и опять входили и, входя, как-то тяжело вздыхали и начинали усердно молиться. Пришло, наконец, время выходить из церкви, но первые выходявшие остановились, и толпа сгустилась так, что нельзя было протиснуться через нее. И вот стоявшие позади, потеряв терпение, стали громко спрашивать: “Да что там такое? Отчего нейдут?” В ответ слышалось: “Звезда”. Мало-помалу толпа, однако, рассеялась, так что и мы могли выйти чуть не позади всех и прямо против себя увидели знаменитую комету 1811 г. На другой день еще до захождения солнца люди стали выходить на улицу и смотреть на то место, где вчера видели восхождение звезды. В сумерки наша площадь была почти вся уже запружена народом, так что не только экипажам проезжать, но и пешком проталкиваться было очень трудно. На месте вчерашнего появления звезды было, однако же, черное облако. При всем том народ не уходил, а упорствовал в ожидании. В других частях неба было ясно и появились уже небольшие звезды. Но вот едва пробил 9 часов, как облако как бы осело под горизонт, и вчерашняя звезда появилась в еще более грозном виде. Как бы по сигналу все сняли шапки и перекрестились. Слышались тяжелые, где подавленные, где громкие вздохи. Долго стояли в молчании. Но вот одна женщина впала в истерику, другие зарыдали, начался говор, затем громкие восклицания: “Верно, прогневался Господь на Россию”, “Согрешили непутем, ну вот и дождались” и т.п. Начались сравнения: кто говорил, что хвост кометы это пучок розог, кто уподоблял метле, чтоб вымести всю неправду из России, и т.д. С тех пор

народ толпился на улицах каждый вечер, а звезда становилась все грознее и грознее. Начались толки о преставлении света, о том, что Наполеон есть предреченный Антихрист, указанный прямо в апокалипсисе под именем Аполиона”» [1]. Также автор публикации приводит свидетельства еще одного очевидца, П. Кичеева, о сильнейшем впечатлении, которое это астрономическое явление произвело на жителей Москвы. «Неискушенный россиянин в 1812 г. был убеждён, – пишет автор статьи, – что война – это кара Божия, следовательно, она не может зависеть от ухищрений дипломатов и воли отдельных лиц; следы ее приближения и ее ход он пытался разгадать по всевозможным знамениям (комета 1811 г., частые пожары и т. д.). В период войны россияне пытались найти ответы на все вопросы в наиболее почитаемом и авторитетном источнике – Библии. Д. Завалишин вспоминал, как жители провинции приходили к людям, имевшим славянскую Библию, и спрашивали у них, что там написано о Бонапарте и о том, что он сделает с Россией, глубоко убежденные в том, что там всё это описано. В 1812 г. в народе получили чрезвычайное распространение всевозможные предсказания, откровения, описания знамений и т.д.» [1].

Астором Д.О. Святский, посвятивший свою публикацию 1927 г. восприятию кометы 1811 г. в России [6], писал, что, не зная врага в лицо, люди из народа воспринимали Наполеона как фигуру мифологическую. Свидетельством этого являются, например, воспоминания А. Рязанцева: «Французы, оставя христианскую веру, обратились в идолопоклонство, изобрели себе какого-то бога Умника и раболепно поклоняются ему, что этот чурбан Умник приказал им всем быть равными и свободными, запретил веровать в истинного Бога и не признавать никаких земных властей. Идолопоклонники, послушавшись своего истукана, возмутились, разграбили свои церкви и обратили их в увеселительные заведения, уничтожили гражданские законы и к довершению своих злодейств убили безвинного доброго, законного своего короля», или «Французы предались Антихристу, избрали себе в полководцы сына его Аполиона, волшебника, который по течению звезд определяет, предугадывает будущее, знает, когда начать и когда закончить войну, сверх того, имеет жену, колдунью, которая заговаривает огнестрельные орудия, противопоставляемые её мужу отчего французы и выходят победителями» [6, с. 373]. Обратим внимание, что в цитируемых исследователем словах обычного москвича возникает ассоциация, довольно характерная для стилистики французской культуры периода правления Наполеона – сопоставление с Аполлоном. Одновременно с этим враги представляются, скажем, тому же А. Рязанцеву «не людьми, а какими-то чудовищами с широкой пастью, огромными клыками, кровью налившимися глазами с медным лбом и железным телом, от которого, как от стены горох, отскакивают пули, а штыки и сабли ломаются, как лучины» [6, с. 373]: воображение подсказывало ему библейские образы.

Материал наиболее показательный и разнообразный для понимания путей мифологизации личности завоевателя дает, разумеется, русская литература. В блестящей публикации 1930 г. Н. Кузнецов [4], стремясь

пояснить пушкинское «Налейте мне вина кометы!», дает не только глубокий текстологический комментарий, но и называет характерные для писателей ошибки, связанные с тем, что комета 1811 г. в общественном сознании оказалась навсегда связанной с Отечественной войной 1812 г. Он полагает, что этим объясняется ошибка Л.Н. Толстого, приурочивавшего время действия к 1812 г. как пролету кометы, упоминание о ней у А.И. Герцена, у Г.П. Данилевского. Как пишет автор, «вообще, русская литература, помня легенду о связи этой кометы с Наполеоновским нашествием, без лишних сомнений и ученых разысканий считает, что она была видима в 1812 г. В недавно вышедшей книге Г. Блока “Рождение поэта” имеется такая тирада (стр. 23): “Главный дом... славен был тем, что в ту достопамятную осень, когда на небе стояла страшная комета 12 года, в нем, в этом доме, жил маршал Даву”. Наряду с этим следует заметить, что правильное понятие о времени видимости этой кометы имел Г. П. Данилевский, роман которого “Сожженная Москва” начинается так: “Был конец мая 1812 года. Несмотря на недавнюю комету и на тревожные и настойчивые слухи о вероятности разрыва с Наполеоном и о возможности скорой войны, – этой войны не ожидали...”» [4, с. 75]. При этом обратим внимание, что у автора «Войны и мира», как и у А.И. Герцена, никакого очарования личностью Наполеона не было, не было и страха перед ней. Потому в восприятии обоих черты мифологизации не ощутимы. Этот процесс затронет творчество Д.С. Мережковского.

Комета 1811 г. как астрономическое явление хорошо описана в научной литературе, но наибольший интерес, по нашему мнению, представляет ее связь с восприятием личности Наполеона и его нашествия на Россию в 1812 г. Мифологизация, как нам представляется, затронула массовое сознание, а в русской литературе так и не произошла, за исключением единичных случаев, связанных с эстетикой символизма. Русская литература, воспринимая французский миф о Наполеоне, ответила на него весьма своеобразно, что, конечно, должно стать темой специального исследования.

Литература

1. Агронов Л.И. Восприятие событий Отечественной войны 1812 г. российским простонародьем / Л.И. Агронов [Библиотека интернет-проекта «1812 год»].
2. Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.museum.ru/1812/Library/Agronov1/index.html>.
3. Вторжение французов в Россию в 1812 г. Рассказ епископа Буткевича [Пер. с польской рукописи Е.И. Гилюс. Сообщ. П.К. Щебальский] // Русская старина. – 1875. – Т. 14. – С. 595 – 616.
4. Кузнецов Н.Н. Вино кометы / Н.Н. Кузнецов // Пушкин и его современники: Материалы и исследования [Пушкинская комис. при Отд-нии гуманит. наук АН СССР]. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – Вып. 38/39. – С. 71 – 75.

5. Мамун Н. Комета – «покровительница винограда» / Н. Мамун. [Электронный ресурс]. Режим доступа:
http://vivatfomenko.narod.ru/lib/kometa_1811.html
6. Святский Д.О. Комета 1811 г. в России / Д.И. Святский // Известия РОЛМ. – 1927. – №6. – С. 373 – 374.

Анотація

У статті здійснюється спроба проаналізувати сприйняття звичайного астрономічного явища – комети 1811 г. – як одну з причин міфологізації особистості Наполеона Бонапарта. Простежуються особливості опису завойовника у спогадах Буткевича у порівнянні з відгуками звичайних росіян, які сприймали комету як символ появи Антихриста. Наголошується, що у російській літературі, на відміну від інших європейських літератур, міфологізації особистості імператора не відбулося.

Ключові слова: міфологізація, наполеонівський міф, масова свідомість, мемуаристика.

Аннотация

В статье предпринимается попытка проанализировать восприятие обычного астрономического явления – кометы 1811 г. – как одну из причин мифологизации личности Наполеона Бонапарта. Прослеживаются особенности описания завоевателя в мемуарах Буткевича в сравнении с отзывами обычных россиян, которые воспринимали комету как предвестие появления Антихриста. Обращается внимание, что в русской литературе, в отличие от литератур европейских, мифологизации личности императора не произошло.

Ключевые слова: мифологизация, наполеоновский миф, массовое сознание, мемуаристика.

Summary

We tried to analyze in our work the perception of an usual astronomic feature – comet from 1811th – like one of the reasons of Napoleon Bonapart's mythologisation. We can see some description singularities of the conqueror in Butkevich's memoirs comparing to average Russians' opinions, which conceived the comet like a presage of Antichrist's appearance. We paid attention to the fact, that there was no emperor's mythologization in Russian literature, unlike the European literatures.

Key words: mythologization, Napoleonic myth, collective consciousness, memoiristics.